

Е.А. Чиглинецв

(Казанский федеральный университет)

А.С. Шофман и казанское антиковедение: векторы научного поиска

А.С. Шофман приехал в Казань уже сложившимся исследователем с хорошей школой ленинградского антиковедения и опытом преподавания древней истории в высшей школе. Все это, безусловно, помогло ему адаптироваться в новых условиях, даже при том, что появился он в Казанском университете в разгар учебного года. Кафедра всеобщей истории, которую он возглавил, переживала не самые лучшие дни, поскольку была образована только что, в годы войны, и процесс ее становления еще был в самом начале. Возможно, именно это и позволило новому заведующему начать структурирование и строительство своего подразделения, выделить генеральное направление развития научных исследований и поддерживать и развивать его на протяжении сорока лет, оставив преемникам великолепную возможность продолжить движение по определенным за это время векторам научного поиска.

Осознанно или неосознанно, но А.С. Шофман выбрал очень верную стратегию вхождения в университетскую корпорацию. В конце 40-х – начале 50-х гг. прошлого века он погружается в изучение истории Казанского университета. Результатом стала публикация в университетской газете «Ленинец» в 1951–1952 гг. почти трех десятков статей на эту тему. Конечно, это были популяризаторские материалы, но именно заинтересованность в постижении истории теперь уже своего университета, поиск и осмысление архивных материалов, навык доступного изложения итогов изучения – все это стало залогом формирования в научной деятельности А.С. Шофмана специального вектора – история Казанского университета, позволило ему активно участвовать в подготовке и пропаганде 150-летнего юбилея КГУ в 1954 г. Именно эта тематика переросла затем в серию статей и монографий, посвященных истории антиковедения и востоковедения в Казанском университете, а позже вылилась в историографическое научное направление кафедры.

Параллельно продолжают и конкретно-исторические изыскания ученого в области македоноведения. Результаты этих исследований хорошо известны, но в данном случае важно под-

черкнуть плодотворность этих трудов для становления еще одного определяющего вектора в научном развитии кафедры – история эллинизма. Вклад и самого А.С. Шофмана и его учеников и последователей в исследование эллинизма широко известен и по достоинству оценен научной общественностью. Между тем, помимо собственно эллинистической проблематики, исследованиями которой в продолжение традиции А.С. Шофмана занялись В.Д. Жигунин, В.И. Кащеев, О.Л. Габелко, постепенно сформировались и новые ответвления. Так, В.Д. Жигунин наряду с А.С. Шофманом был идеологом и активнейшим соавтором коллективной монографии «Периодизация всемирной истории» (1984), в которой зафиксирован отказ от однозначных, социологизированных и вульгаризированных марксистских представлений о всемирно-историческом процессе, а позже он создал оригинальную синтезную теорию всемирной истории (2000), концепцию, которая и сегодня вызывает пристальный интерес специалистов.

Другое ответвление связано с популярной дихотомией Запад – Восток, которую изучают сегодня все гуманитарные науки. Однако первые такие взаимодействия появились именно в древности. Поэтому вполне закономерно, что последователи А.С. Шофмана в различных вариантах обратились к этой проблематике уже в 70-е гг. XX в. (античный Кипр, первоначальное христианство), а сегодня – и греко-персидские отношения в Архаическую и классическую эпохи (Э.В. Рунг), и иудейская община в имперском городе Рима (М.В. Григер), христиано-мусульманский диалог на юго-западных и восточных фронтах Европы (Н.А. Шадрин, М.Г. Юнусова). Сегодня эта тематика является востребованной в мире, а потому для кафедры это реальные перспективы и для внутреннего развития и для международного сотрудничества.

Возвращаясь к обозначившемуся в середине 50-х гг. прошлого века вектору историографических исследований, подчеркнем, что в 60–70-х гг. это выразилось в обращении к отечественному антиковедению самого А.С. Шофмана (статьи и монографии о Ф. Мищенко и М. Хвостове), А.Д. Константиновой (статья и кандидатская диссертация о М.С. Куторге), в 80-х гг. – Ф.Н. Ахмадиева (предложенный А.С. Шофманом оригинальный конструкт «историография историографии»). А с середины 60-х гг. XX в., с появлением научного семинара «Античность и современность», в просторечии именуемого «Античный понедельник», главной целью историографических исследований казанских антиковедов стало создание серии трудов о национальных

историографиях античности. Огромный пласт материала был собран и обработан в десятках кандидатских диссертаций (первой была диссертация работавшего тогда на кафедре Г.В. Атласова о французском исследователе эллинизма Поле Клоше), но до обобщения дело не дошло. Были учебные пособия и коллективные монографии, были сборники научных статей, посвященные «проблемам» и «критике» зарубежной историографии, было участие А.С. Шофмана в качестве соавтора в известном учебном пособии по историографии античной истории под редакцией В.И. Кузищина. Может быть, именно последний опыт и показал все сложности исполнения задуманного проекта. Кстати, именно эти многочисленные публикации об отдельных исследователях и их концепциях вводили в научный оборот, пусть и под знаменем критики, все новые и новые материалы, ранее не известные советской науке. Более того, именно из этого направления вышло целых три блока в современных научных исследованиях кафедр.

Во-первых, схолярная проблематика (Г.П. Мягков), которая, появившись в качестве периферийной для антиковедения, оказалась весьма перспективной и значимой, в том числе и с точки зрения разработки теоретических основ выделения и существования научных сообществ в исторической науке. И здесь приоритет ученика А.С. Шофмана никогда и никем не подвергался сомнению. Во-вторых, на стыке историографии, схолярной тематики и биографистики сформировалось такое направление как *Personalia*. А.С. Шофман в своих трудах о выдающихся представителях русской историографии античности придерживался определенных принципов, например, неперемное использование архивных материалов, а не только опубликованных работ историка, обязательное стремление к воссозданию полного жизнеописания, а не только профессиональной биографии героя. Это придавало уже тогда работам А.С. Шофмана то антропологическое содержание, о котором мы заговорили лишь в последние два десятка лет. Сегодня в таком ключе продолжает работать «научная внучка» нашего юбиляра – Н.С. Алмазова. В-третьих, обозначенная в названии семинара связь античности и современности породила непреодолимый интерес к явлениям, появившимся в античности, а затем ставшим неотъемлемой частью европейской и мировой культуры. А.С. Шофман никогда не обозначал историю античной культуры в качестве отдельной темы своих исследований. Некоторые сюжеты возникали в больших работах по мере надобности, но больше о культуре он писал в

научно-популярных очерках. Однако это не закрыло для его учеников и учеников его учеников возможность историко-культурных исследований. Одним из таких пластов стала история христианства на переломе от античности к средневековью (диссертацию об историографии христианизации Британии защитила под руководством Г.П. Мягкова А.Г. Суприянович, женской агиографией занялась Н.Ю. Бикеева, житийной литературой и христианским миссионерством на северо-западе Руси в эпоху средневековья занимается сейчас в университете Осло И.Х. Гарипзанов). Наконец, активное исследование проблематики рецепции (Е.А. Чиглинцев), которое нацелено на изучение явлений, характерных для обращения к наследию античности неисториков, и на поиск путей формирования адекватных представлений об античности в массовом сознании.

Таким образом, найденные в былые годы А.С. Шофманом векторы научных исследований нисколько не утратили своей актуальности, развиваются и обогащаются новыми методами и новыми темами. Наверное, это лучший памятник замечательному человеку и Учителю.

Л.Р. Ротермель

(Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского)

А.С. Шофман как исследователь раннего эллинизма

В своей недавно вышедшей книге С.Б. Крих отмечает, что эллинизм остался «периферийной темой в советской историографии древности». Причину он видит в том, что в представлении об эллинизме как эпохе возобладал подход К.К. Зельина, предлагавшего рассматривать его как конкретно-исторический феномен¹. Эта оценка верна в том смысле, что общие проблемы эллинизма почти не становились предметом специального рассмотрения. Однако нельзя утверждать, что эллинистическое время осталось за рамками исследовательского интереса советских историков, среди которых заметное место принадлежит А.С. Шофману. Объектом его научного интереса становится сначала древняя Македония – во второй части его книги «История античной Македонии» (1963) рассмотрена ее история в эллинистический период, а начиная со второй половины 1960-х гг. и до

¹ Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. М., 2013. С. 177.